

Как нас заказывали,

или Пора готовиться к достойной встрече Нового года

Николай КОЛЯДА,
специально для «Новой»:

Театр у меня маленький, на самоокупаемость. Знаете, что это такое? Когда директор (то есть я) от зарплат до зарплат дрожит: хватит денег с артистами расплатиться или нет. А каждого зрителя, проходящего за билетами в кассу, готовы все целовать-расцеловывать. Но не жалуюсь — так есть и так живу, мне нравится.

В Новый год проводили в театре «Новогодние колядки» (так они и назывались) и, чтоб денег заработать (аренда, электричество, вода и пр.), дали бегущую строку по ТВ — мол, «Дед Мороз и Снегурочка из «Коляда-Театра» поздравят вашего ребенка на дому» — и телефончик.

Телефон накалился. Заказов — море. Две недели мы с Иркочкой Беловой, моей Снегурочкой, прилеплялись к бородам, надевали костюмы, сажались у театра в мою «восьмерку» и катили по адресам. Знаете стишок: «Бабе скоро сорок лет, а пищит, как дурочка. Угадайте, кто она? Правильно, Снегурочка!». Ирке под сороковник, у нее двое детей, а Снегурочка играет с детского сада. Как и я «морозил» (то есть Деда Мороза играл) с 15 лет, но последние годы как-то не практиковал. А тут решил сэкономить на артисте и поехал сам.

Подъезжаем к первому дому. Стоит хибарка, домик деревенский. А дальше — в полумраке, на огороде — домище, замок в четыре этажа. «Ирка, — говорю перепуганно, — это нас к цыганам вызвали!». Перекрестились мы со Снегурочкой, намазали морды красным гримом, вышли из машины. Я переобулся в валенки (в них неудобно было на педали в машине нажимать), взял «посох волшебный» в руки, идем.

Встречают два охранника. Везде камеры наблюдения. Проходим через гараж — штук шесть машин стоит. Входим со двора в дом. Дом огромный. Три театра на самоокупаемость можно в доме разместить. Посредине «зало» (как говорят на Урале) — стол, заваленный всяким-разным вкусным, невиданным. Нас «заказали», и потому мы с Иркочкой зубы сцепили — и работать: «Я весе-

лый, развеселый, старый Дедушка Мороз, я сегодня очень добрый, я подарки всем принес!». И игры всякие глупые: «сугробики-снежинки». Это когда дети то в сугробики превращаются, то снежинками кружатся, а Дед Мороз, гад такой, все убыстряет и убыстряет свой крик: «Сугробики!!! Снежинки!!!». И так до одури.

Дети, естественно, упианные, капризные, Деда Мороза за бороду дергают. Впрочем, дети как дети. В подарок получили (вроде как от меня) по три крутых велосипеда. В углу — настоящая елка до потолка (а потолок метра четыре). «Ой, — говорю, — какая у вас елочка пушистая, красивая!». «Это она из Дании», — говорит толстая цыганка, сидящая за столом и жрущая что-то вкусное. О, думаю, на Урале елок как грязи, а они себе елочку из Дании заказали. Ну ладно.

Когда мы, взмыленные, сели в машину, зажав в бардачке кровно заработанные 800 рублей, Ирка-Снегурочка сказала печально и пафосно, как и должна говорить провинциальная артистка: «Какое будущее ждет этих детей?! Будет ли у них счастье?!». На что я сказал: «Ой, да не ной — да будет у них счастье, куда оно денется?».

В другой квартире четыре бабушки-соседки скинулись по 200 рублей и вызвали нас. Детей было четверо, разных возрастов. Мы шпарили свои «сугробики-снежинки», а бабушки, накинув на плечи шали свои старенькие, строго и внимательно следили сквозь очки, чтобы мы все отработали как положено: и чтоб «Елочка, зажгись!», и чтоб вокруг елочки Дед Мороз носился как угорелый — ну весь набор. Перед бабушками экзамен был страшнее, чем перед цыганами, и мы пластались на всю катушку. Но выдержали.

В следующей квартире я, Дед Мороз, спросил мальчика Никиту: «Что, Никита, хочешь получить в подарок?». На что Никита пораженно сказал: «Ты же знаешь, я же тебе письмо писал?!». И я пораженно ответил: «Ну конечно, я же его читал, склероз проклятый, прости!». (Папа Никиты в темном коридоре сунул подарок в мой мешок в самом начале.) Когда мы уходили, Никита прижимал к себе подарок, смотрел восхищенными глазами на нас и за секунду до того, как дверь за нами закрылась, крикнул: «Я люблю вас!!!». Так он это сильно сказал, что мне, честно говоря, даже жалко стало, что скоро мальчик узнает, что сказки нет на свете, и, наверное, сильно огорчится.

В очередной квартире две мамы-соседки, изрядно подвыпившие, снимали на видео весь праздник. Наверное, чтобы потом, когда сынок выра-

стет и будет бедокурить, показать ему как доказательство эту пленку и сказать: «Гад ты такой, я ж тебя так любила, все для тебя делала, вот Деда Мороза вызывала, а ты что сейчас творишь?!».

В следующей квартире мальчик (точнее — молодой человек) приехал на Новый год в Е-бург из города Дубай, где он учится, и так презрительно смотрел на то, как мы по паркету вокруг фонтана и елки (в квартире фонтан был) в валенках елозимся-прыгаем, что мы дождаться не могли, когда же он, этот милый детский утренник, закончится.

В другой квартире света не было (отключили перед Новым годом), и родители зажгли свечи — так было красиво и весело, и такие там веселые и счастливые дети были!

Бежали дни. Мы с Иркочкой ездили и ездили: с Урал-маша на Химмаш, с Сортировки на ЖБИ, с Вторчермета на Эльмаш.

Последний заказ был уже 8 января. По телефону нас предупредили, что девочка Настя больна. Пятый этаж, без лифта, хрущевочка. Входим, бедно очень, стол небогатый накрыт. На диване сидит девочка Настя, лет пяти. Мама шепчет: «Настя не ходит». Девочка маленькая, худенькая, обрадовалась нам, смотрит на нас глазешками своими совсем взрослыми. Мы с Иркочкой брали ее на руки, с рук на руки передавали, танцевали с ней, пели ей песни, играли в «сугробики-снежинки». Долго. Потом, уходя, в коридоре отказывались от денег, но мама строго сказала: «Возьмите. А то я обижусь».

Вышли мы из этой квартиры и пошли молча по лестнице, глядя в пол.

За две недели увидели огромный мир, сотню квартир: где-то любят детей, а где-то — себя. Как ни прятался я за бороду, меня узнавали: в нашей деревне меня знают все. Кому-то было приятно, а кому-то — неловко за меня. Но мне-то все равно. Короны у меня на голове нет, и потому она надо мной потолок не царапает. А эти 26 тысяч мы с Иркочкой заработали честно. Для нас большие деньги — как раз театр смог рассчитаться за полгода за коммунальные услуги.

«Жизнь наша похожа на солянку в придорожном трактире, — сказал Салтыков-Шchedрин. — Пока хлебашь все подряд — ничего, сойдет, а начнешь рассматривать супец — с души воротит».

Так вот посмотришь, как люди живут...

Да что говорить. Ладно уж. Все нормально. Живем. Скоро ведь Новый год, правда?